

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

*На правах рукописи
УДК: 39 (575.1)
398.2 (575.152)*

НОРБУТАЕВ ПАРДА ПАНЖИЕВИЧ

**ОТРАЖЕНИЕ В НАРОДНЫХ ЭПОСАХ ЭТНИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ УЗБЕКОВ КАШКАДАРЬИНСКОГО ОАЗИСА
(на примере дастанов «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо»)**

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Ташкент – 2010

Работа выполнена в отделе «Этнология»
Института истории Академии наук Республики Узбекистан

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Дониёров Алишер Худойбердиевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Абдуллаев Улугбек Сайданович
доктор филологических наук, профессор
Жураев Маматкул

Ведущая организация: Национальный университет Узбекистана
им. Мирзо Улугбека, кафедра «Этнологии и
археологии»

Защита состоится «_29_»_апреля_2010 г. в _10-⁰⁰_ часов на заседании
Объединенного специализированного совета Д.015.09.01 по защите
диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по
специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология при
Институте истории Академии наук Республики Узбекистан (100170,
г. Ташкент, ул. И. Муминова, 9). Тел.: (+99871) 262-38-73,
факс: (+99871) 262-93-51; e-mail: tarix@uzsci.net.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке
Академии наук Республики Узбекистан (100170, Ташкент,
ул. И. Муминова, 13).

Автореферат разослан «_29_»_апреля_2010 г.

**Ученый секретарь Объединенного
специализированного совета,
кандидат исторических наук**

С.Б. Шадманова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. С обретением Республикой Узбекистан государственной независимости в процессе изучения истории народа и его древней культуры стали возникать актуальные проблемы, требующие должного осмысления. В отечественной истории, как и в других отраслях науки, сложились благоприятные условия для комплексного объективного воссоздания исторического прошлого. В частности, особую актуальность приобрело изучение с этнологических позиций уникальной этнической истории узбекского народа, его национальных ценностей, обычаев, обрядов и традиций, а также их отражение в устном народном творчестве.

На встрече Президента И.А. Каримова с учеными-историками и представителями интеллигенции, а также в Постановлении Кабинета Министров РУз «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз» была поставлена задача изучения истории государственности узбекского народа, в том числе роли национальных ценностей и традиций в общественной, экономической и духовной жизни народов, проживавших на территории страны с древних времен до наших дней¹.

Народный эпос имеет огромную этнографическую ценность как проявление истории материального и духовного наследия каждой нации. Не случайно такие известные ученые как В. Соколова, К. Чистов, А. Решетов рассматривают фольклор в качестве этнографического источника по этнической истории, материальной и духовной культуре народов². В народных сказаниях нашли отражение уникальные сведения, не встречающиеся в рукописных источниках или документах, не подтверждающиеся материалами археологических памятников. Они проливают свет на историко-этнографические особенности, общественный строй, религиозные верования, социальную психологию и материальную культуру наших предков.

Узбекские народные дастаны, считаясь непосредственным источником сведений о национальных традициях, обычаях и обрядах, являются духовной основой формирования национального самосознания нации как субъекта социального, культурного и исторического развития. Именно поэтому на современном этапе возникла необходимость этнологического исследования дастанов, систематизации содержащихся в них сведений, касающихся этнической истории и традиционной культуры народа. Это обстоятельство поставило важные задачи перед этнологами, которые исследуют этнографические аспекты различных образцов устного народного творчества.

Кашкадарьинский оазис, являясь одним из этнографических регионов Узбекистана, имеет особый статус в качестве области с собственными

¹ Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Свое будущее мы строим своими руками. – Ташкент: Ўзбекистон, 1998. Т. 7. – С. 128-151; Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан от 27 июля 1998 г. «О совершенствовании деятельности Института истории АН РУз» // Народное слово. 1998, 29 июля.

² Соколова В.К. Фольклор как историко-этнографический источник // Советская этнография (Далее – СЭ). – М., 1960. – № 4. – С. 11, 14; Чистов К.В. Фольклор и этнография // СЭ. – М., 1968. – № 5. – С. 10; Решетов А.М. Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений. – Л.: Наука, 1970. – 255 с.

сформировавшимися традициями сказителей. Дастаны «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо» в творчестве бахши оазиса вобрали в себя множество аспектов материальной и духовной культуры народа. Всестороннее научное и объективное изучение этих граней позволяет накопить богатый этнографический материал о значении традиций и обрядов узбеков в прошлом и настоящем.

Таким образом, по актуальности темы данной диссертации сделаны следующие выводы:

– во-первых, в этнологической науке узбекские народные дастаны не рассматривались в качестве этнографического источника;

– во-вторых, изучение этнографических сведений, содержащихся в дастанах «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо» в интерпретации бахши Кашкадарьинского оазиса, позволяет собрать уникальный и обширный этнографический материал, отражающий образ жизни населения, традиции хозяйствования и семейно-бытовые обряды оазиса;

– в-третьих, по данным сопоставительного анализа этнографических сведений о брачных отношениях и религиозных верованиях, содержащихся в дастанах, исполняемых бахши оазиса, со сказаниями бахши других оазисов становится ясно, что семейно-бытовой уклад жизни местного населения имеет специфические локальные черты, обусловленные этнотерриториальными и этнокультурными особенностями оазиса.

В силу вышесказанного определяется актуальность темы настоящего исследования.

Хронологические рамки работы охватывают период с 40-х годов XX в. – до начала XXI в. Выбор данного временного отрезка обусловлен тем, что именно в этот период началось собирание, издание и научное изучение народных сказаний.

Степень изученности проблемы. В начале XX в. в фольклористическом направлении проводились масштабные научные исследования на основе сбора и издания народных дастанов. Именно на этот период приходятся отдельные исследования, посвященные изучению вопроса с историко-этнологических позиций. Комплексный анализ литературы, освещающей отразившиеся в дастанах этнические особенности, хозяйственные традиции и семейно-бытовые обряды узбекского народа, позволяет условно разделить ее на следующие группы: 1) исследования советского периода; 2) работы периода независимости; 3) научные труды зарубежных ученых.

Советский период отмечен значительными достижениями в плане сбора, накопления и изучения дастанов узбекского народа. Литература этого периода представлена исследованиями таких ученых как В.М. Жирмунский³,

³ Жирмунский В.М., Зарифов Х. Узбекский народный героический эпос. – М.: Полиграфкнига, 1947. – 520 с.; Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше – богатырская сказка. – М.: Восточная литература, 1964. – 335 с.; Его же. Среднеазиатские народные сказители. – М.: Наука, 1964. – 13 с.; Его же. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.

Х. Зарифов⁴, Т. Мирзаев⁵, О. Сабиров⁶, Дж. Хошниязов⁷, Б. Сарымсаков⁸, В. Соколова⁹, И. Молдабаев¹⁰, Р. Кыдырбаева¹¹, проанализировавших отдельные вопросы, касающиеся темы реферируемой работы.

В 40 – 60-х годах XX в. В.М. Жирмунским и Х. Зарифовым был изучен обширный пласт этнографического материала, связанного с этнотопонимами и этнонимами, содержащимися в дастане «Алпамыш». В их трудах приведена кунгратская версия (узбекская, каракалпакская и казахская записи) дастана, а сведения об образе жизни субэтносов *кунграт* и *калмык*, о принадлежности Алпамыша и Барчин к «16-коленному племени кунграт» освещены в основном с фольклористических позиций.

В монографии Т. Мирзаева¹² «Узбекские варианты дастана «Алпамыш» описаны экзогамная форма брака и обычай «бешиккертти». Анализируя варианты данного эпического сказания, автор уделяет большое внимание присутствующим в них условиям брачных соглашений.

Изучением народного эпического творчества занимался в конце 70-х – начале 80-х годов А. Сабиров, которым был записан и подготовлен к изданию дастан «Ёзи и Зебо»¹³. Следует отметить, что в нем имеется немало сведений, касающихся образа жизни скотоводов, земледельцев и садоводов.

Каракалпакские варианты дастана «Алпамыш» были изучены Дж. Хошниязовым, осуществившим историко-этнографический анализ скотоводческих традиций, встречающихся в сказании.

Во второй половине 80-х и в 90-е годы был проведён ряд исследований, в той или иной степени близких к теме диссертационной работы. В частности, в монографии Б. Сарымсакова¹⁴ всесторонне освещены этнографические материалы, связанные с сезонными обрядами и магией слова.

⁴ Зарифов Х. 1916 йил миллий озодлик кўзғолонининг ўзбек фольклорида акс этиши // Шарқ юлдузи. – Тошкент, 1946. – № 7. – Б. 154-166; Его же. К изучению узбекского народного эпоса // Вопросы изучения эпоса народов СССР. – М., 1958. – 168 с.

⁵ Мирзаев Т. Алпомиш достонининг ўзбек вариантлари. – Тошкент: Фан, 1968. – 170 б.; Его же. «Очилдов» достонида традициянинг роли // Ўзбек совет фольклори масалалари. – Тошкент: Фан, 1970. – Б. 107-111; Его же. Халқ бахшиларининг эпик репертуари. – Тошкент: Фан, 1979. – 151 б.

⁶ Сабиров О. «Келиной» достони ҳақида / Сабиров О. «Ёзи билан Зебо», «Келиной». – Тошкент, 1962. – Б. 66.

⁷ Хошниязов Ж. Историко-фольклорная характеристика каракалпакской версии эпоса «Алпамыс». – Нукус, 1978. – 193 с.

⁸ Саримсоков Б. Ўзбек маросим фольклори. – Тошкент: Фан, 1986. – 213 б.

⁹ Соколова В. Славянский фольклор. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 363 с.; Ее же. Русское народно-поэтическое творчество. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 224 с.; Ее же. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985. – 256 с.; Ее же. Традиции и современность в фольклоре. – М.: Наука, 1988. – 211 с.

¹⁰ Молдабаев И. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. – Фрунзе: Илим, 1983. – 169 с.; Его же. Отражение этнических связей киргизов в эпосе «Манас». – Фрунзе: Илим, 1985. – 110 с.; Его же. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989. – 148 с.

¹¹ Кыдырбаева Р. Генезис эпоса «Манас». – Фрунзе: Илим, 1980. – 279 с.; Ее же. Варианты эпоса «Манас». – Фрунзе: Илим, 1988. – 159 с.

¹² Мирзаев Т. Алпомиш достонининг ўзбек вариантлари. – Тошкент: Фан, 1968. – 170 б.

¹³ Ёзи билан Зебо: Достон / Ёзиб олувчи ва нашрга тайёрловчи О. Сабиров. – Тошкент: Ёш гвардия, 1978. – 110 б.

¹⁴ Саримсоков Б. Ўзбек маросим фольклори. – Тошкент: Фан, 1986. – 213 б.

В работах В. Соколовой¹⁵, И. Молдабаева¹⁶, Р. Кыдырбаевой¹⁷ на примере эпосов «Алпамыш» и «Манас» сделано сравнительное исследование материалов, отражающих этно-культурные отношения между тюркскими народами.

В советское время узбекские народные дастаны не рассматривались с точки зрения источника, проливающего свет на определенные аспекты этнографической науки. Это не означает, что памятники народного творчества были исключены из сферы научного исследования как редкие и ценные этнографические источники. Однако приведенные выше работы были выполнены в основном в фольклористическом направлении.

В период независимости к 1000-летию дастана «Алпамыш» Кабинетом Министров РУз было принято постановление, на основе которого была проведена международная научная конференция на тему «Дастан «Алпамыш» и эпическое творчество народов мира». Среди материалов сборника конференции следует особо выделить статьи И. Джаббарова¹⁸, Т. Есбергеновой¹⁹ и Б. Уринбаева²⁰, в которых нашли отражение упоминаемые в «Алпамыше» ранние формы брака (полиандрический, левиратный, кросскузенный), а также обычаи, связанные с рождением ребенка, его воспитанием и периодом взросления.

Характеризуя работы данного историографического периода, следует отметить работы М. Мурадова и А. Эргашева²¹, М. Джураева²², Дж. Эшанкула²³, изучавших устное народное творчество в этнографическом плане. Так, М. Мурадов и А. Эргашев²⁴ рассуждая о субэтносе *кунграт*, описанном в дастане «Алпамыш», насчитали 64 группы пяти его ветвей, а также рассмотрели обряды *бешиккертти* (помолвка малолетних детей с колыбели) и торжества по случаю помолвки.

Узбекские народные сказания служат богатейшим источником этнографических сведений, что подтверждается работой М. Джураева и М. Нарзикуловой²⁵, проанализировавших древние корни мифологических представлений и культов. Важное место в работе занимает этнофольклористический анализ «*праздника красного цветка*», так как в нем ярко выражены мифологические воззрения наших предков, связанные с приходом весны и пробуждением природы. Со временем на их основе возник ряд аграрных культов и символические ритуалы магического характера.

¹⁵ Соколова В. Алтайский героический эпос...

¹⁶ Молдабаев И. Отражение этнических связей киргизов в эпосе «Манас»...

¹⁷ Кыдырбаева Р. Генезис эпоса «Манас»...

¹⁸ Жабборов И. «Алпомиш» достонининг тарихий-этнографик аҳамияти // «Алпомиш» достони ва жаҳон халқлари эпик ижодиёти» мавзуидаги халқаро конференция материаллари. – Тошкент: Фан, 1999. – Б. 42-43.

¹⁹ Есбергенова Т. «Алпамыс» достонида болалик этнографияси // Там же. – Б. 48-49.

²⁰ Уринбоев Б. «Алпомиш» достони магнуда этнографизм // Там же. – Б. 52-53.

²¹ Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома (1) (Сурхондарё талқини). – Тошкент: Мехнат, 1999. – 485 б.

²² Жўраев М., Нарзикулова М. Миф, фольклор ва адабиёт. – Тошкент: Фан, 2006. – 183 б.

²³ Эшонкул Ж. Фольклор: образ ва талқин. – Қарши: Насаф, 1999. – 172 б.

²⁴ Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома (1) ...

²⁵ Жўраев М., Нарзикулова М. Миф, фольклор ва адабиёт...

Дж. Эшанкул²⁶, изучая узбекские народные дастаны и сказки, отмечает магический характер конской гривы, кос девушки и веревки, упоминаемых в них, а их предполагаемую связь с душой считает результатом анимистических верований.

Среди работ, опубликованных в последнее время, следует назвать исследование Т. Мирзаева²⁷, который, рассуждая о характерных особенностях традиций узбекских народных дастанов и школы сказителей, прослеживает аналогии и различия в их литературно-художественной структуре.

В отличие от исследований советского периода, для научных работ, осуществленных в годы независимости, характерны постепенный отказ от идеологизированности изысканий и преобладание взвешенных объективных подходов. Если прежде вопросы близкие к теме нашего исследования отмечались лишь в работах ученых-фольклористов, то в новых условиях основное внимание стало уделяться этнографическим аспектам памятников эпического творчества. И в этом велика заслуга ученых-этнологов и историков.

Немаловажное значение в контексте изучаемой проблемы имеют работы таких зарубежных ученых-историков и этнографов, как К. Ламонт²⁸, А. Чадвиг²⁹, Т. Заркон³⁰, Ас-Сафсафи Ахмад аль-Катори³¹, С. Федакар³².

Эпическое сказание об Алпамыше заинтересовало американского ученого К. Ламонта³³, который уловил некоторое сходство его сюжета с «Одиссеей» Гомера. В ходе анализа общих черт этих произведений, особенно в отражении семейно-бытовых обрядов, связанных с условиями брачного соглашения, автор научно обосновал наличие культурных связей между народами Средней Азии и Древней Греции.

Этнографические аспекты эпического творчества тюркских народов нашли отражение в исследовании А. Чадвига³⁴. Автор, отмечая значение героических сказаний «Алпамыш» и «Манас» в качестве важнейших источников по сравнительному изучению этнических особенностей, обрядов и обычаев узбекского и киргизского народов, наглядно освещает взаимосвязь традиций тюркских народов на примере этих образцов эпоса.

²⁶ Эшонкул Ж. Фольклор: образ ва талкин. – Қарши: Насаф, 1999. – 172 б.

²⁷ Мирзаев Т. Эпос и сказитель. – Ташкент: Фан, 2008. – 410 б.

²⁸ Lamont K. The Peoples of the Soviet Union. – New-York, 1946. – 237 p.

²⁹ Chadwick N. K. Oral Epic of Central Asia. – London, 1969. – 284 p.

³⁰ Заркон Т. Бахши-шоир, шомон ва табиб // «Алпомиш» достони ва жаҳон халқлари эпик ижодиёти» мавзуидаги халқаро конференция материаллари... – Б. 20.

³¹ Ас-Сафсафий Ахмад ал-Каторий. Туркий халқлар достонлари орасида «Алпомиш»нинг ўрни // «Алпомиш» достони ва жаҳон халқлари эпик ижодиёти» мавзуидаги халқаро конференция материаллари... – Б. 21-24.

³² Fedakar S. The epic of Alpamish and the book of Dede Korkut // «Алпомиш» достони ва жаҳон халқлари эпик ижодиёти» мавзуидаги халқаро конференция материаллари... – Б. 38-39.

³³ Lamont K. The Peoples of the Soviet Union. – New-York, 1946. – 237 p.

³⁴ Chadwick N. K. Oral Epic of Central Asia. – London, 1969. – 284 p.

Анализу древнего эпического пласта, содержащегося в дастане «Алпамыш» посвящены работы Т. Заркона³⁵, Ас-Сафсафи Ахмада аль-Катори³⁶ и С. Федакара³⁷. В них говорится о роли архаических сказителей (бахши), являвшихся хранителями традиционных религиозных воззрений, а также выполнявших функцию шамана. Кроме того произведен сравнительный анализ этнокультурных связей и генезиса тюркских народов на основе «Алпамыша» и турецкого варианта «Книги деда Коркута».

В исследованиях зарубежных ученых, изучавших устное народное творчество, образ жизни народа, условия проживания, обычаи, обряды и традиции в основном имеют комплексный характер. Авторы рассуждают о художественных особенностях узбекских народных дастанов, их общих и специфических чертах, не делая однако, особого акцента на предмете нашего исследования. При этом этнографический материал излагается в литературно-художественной форме.

Таким образом, тема реферируемой диссертации в этнографическом аспекте по сей день остаётся за рамками специальных фундаментальных работ ученых-этнологов. Обзор вышеназванной литературы показывает, что поднятые в этих работах вопросы рассмотрены лишь с позиций фольклористики.

Связь диссертационной работы с тематическими планами НИР. Тема диссертационного исследования непосредственно связана с планом НИР отдела «Этнология» Института истории АН РУз. Определенная часть материалов настоящего исследования будет включена в грантовую тему А–2–075 «Современные узбеки: историко-этнологическое исследование».

Цель и задачи исследования. Цель данного исследования – этнологическое изучение традиций хозяйственной деятельности и семейно-бытовой обрядности, которые нашли отражение в дастанах бахши Кашкадарьинского оазиса. В рамках поставленной цели планируется решить следующие задачи:

- осуществить этнофольклористическое исследование историко-этнографических аспектов традиций узбекского народного сказительства;
- провести сравнительный анализ этнографических сведений о межэтнических отношениях, присутствующих в образцах устного народного творчества;
- осветить этнический состав населения оазиса, как местности со сформировавшимися традициями народного эпического творчества;
- научно обосновать отраженный в дастанах образ жизни скотоводческого населения оазиса;
- показать значение дастанов как важного этнофольклорного источника по истории земледелия и ремесленничества населения оазиса;

³⁵ Заркон Т. «Бахши-шоир, шомон ва табиб» // «Алпомиш» достони ва жахон халклари эпик ижодиёти» мавзуидаги халқаро конференция материаллари... – Б. 20.

³⁶ Ас-Сафсафий Ахмад ал-Каторий. Туркий халклар достонлари орасида «Алпомиш»нинг ўрни ... – Б. 21-24.

³⁷ Fedakar S. The epic of Alpamish and the book of Dede Korkut ... – Б. 38-39.

– изучить отражение обрядов, связанных с детским возрастом в творчестве бахши и выявить их значение с этнографических позиций;

– проанализировать сведения этнографического характера, связанные с брачными отношениями и периодом юношеского взросления, которые содержатся в дастанах бахши оазиса;

– исследовать в этнологическом плане вопрос религиозных верований, связанных с социально-бытовым образом жизни населения оазиса, нашедших отражение в народных дастанах оазиса;

– изложить обобщенные выводы результатов исследования и разработать практические рекомендации относительно вопросов, которые необходимо изучить в этом направлении.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является этнологическое изучение хозяйственных традиций и семейно-бытовой обрядности в дастанах «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо» в исполнении народных бахши оазиса в 40-е годы XX – в начале XXI в. Предметом работы является отражение в народных эпосах этнических особенностей узбеков Кашкадарьинского оазиса.

Теоретико-методологической основой исследования послужили историзм, объективизм, научный подход, критицизм, историко-сравнительный анализ, цивилизованный подход. В процессе сбора этнографического материала были использованы такие методы, как интервью, включенные наблюдения и сопоставительный анализ.

При определении методологических основ исследования важное значение имели труды Президента Республики Узбекистан И. Каримова о роли истории, литературы и культурного наследия в формировании идеи национальной независимости и духовности, а также Постановление Кабинета Министров РУз о праздновании 1000-летия эпоса «Алпамыш» (от 13 января 1998 г.).

При подготовке исследования диссертант опирался на теоретические положения и рекомендации методологического характера, сформулированные в трудах таких ученых как К. Шаниязов, И. Джаббаров, А. Дониёров, Т. Мирзаев, М. Мурадов, Б. Сарымсаков, А. Эргашев, М. Джураев, Дж. Эшанкул.

Источниковая база исследования представлена в первую очередь материалами фондов Национальной библиотеки РУз им. Алишера Навои, Фундаментальной библиотеки АН РУз, «Фольклорного архива» Института языка и литературы имени Алишера Навои АН РУз («Алпамыш». Инв. № 4, 18, 46, 191, 733, 847, 1217, 1220, 1254, 1439, 1466, 1530; «Ёзи и Зебо». Инв. №. 16, 1512, 1514, 1557, 1606, 1601, 9351), а также материалами полевого этнографического исследования, проведенного диссертантом в ряде районов Кашкадарьинской области.

Основные положения, выносимые на защиту:

– с 40-годов XX в. до начала XXI в. была осуществлена определенная работа этнографического характера, связанная с образом жизни населения,

нашедшим отражение в устном народном творчестве. В диссертации в этнологическом аспекте изучены общие выводы по этнографическому материалу, охарактеризованному в работах этого периода;

– воспеваемые в дастанах Кашкадарьинского оазиса обычаи и традиции, связанные с далеким прошлым узбекского народа, при сравнении с этнографическими мотивами, присутствующими в дастанах бахши других оазисов, наглядно демонстрируют ряд локальных особенностей, что объясняется территориально-географическим расположением;

– фундаментальное изучение узбекских народных сказаний в качестве этнографического источника определяет рамки исследования этнофольклористического направления. В дальнейшем оно может послужить основой для создания новых образцов устного народного творчества этнографического характера;

– изучение этнографических особенностей дастанов Кашкадарьинского оазиса позволяет собрать уникальный и обширный этнографический материал, отражающий межэтнические отношения, связанные с образом жизни населения, традиции хозяйствования и семейно-бытовые обряды;

– в истории материальной и духовной культуры узбекского народа эпос «Алпамыш» является важным источником, вобравшим в себя этнографические сведения о субэтнотипе *кунграт*, жизни его представителей в раннем средневековье, природно-географических условиях и общественно-политической ситуации.

Научная новизна. В диссертации представлены новые научные результаты на основе этнографических сведений о хозяйственных традициях и семейно-бытовых обрядах населения оазиса, отраженных в дастанах «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо».

Кроме того, новым в реферируемом исследовании явилось следующее:

– рассмотрена роль этнофольклористического направления путем историко-сравнительного этнологического исследования процесса формирования узбекских народных традиций сказительства и изложенных в дастанах историко-этнографических материалов;

– предпринята попытка обобщить историко-этнологические произведения, полевые этнографические материалы и новую научную литературу при изучении национальных ценностей, обычаев и обрядов узбекского народа, которые нашли отражение в дастанах «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо», занимающих важное место в творчестве бахши Кашкадарьинского оазиса;

– представлены научные выводы по этнической истории, о своеобразии и локальных особенностях обычаев и обрядов, на основе данных сохраняющихся в сказаниях бахши оазиса. Это, в свою очередь, расширяет возможности для изучения этнографических особенностей дастанов узбекского народа;

– в научный оборот введен обширный корпус эмпирического материала, собранный диссертантом в ходе полевых исследований,

воспоминания бахши об истории исполнения народных сказаний, их понимание семейной обрядности. Все это вкупе усиливает научный потенциал настоящего исследования;

– анализ имеющихся сведений показывает, что тема данного изыскания до сих пор не была изучена всесторонне и в полном объеме. Содержащиеся в дастанах бахши оазиса сведения об этнических процессах, традициях хозяйственной деятельности и семейно-бытовой обрядности позволяют расширить границы фундаментального изучения истории узбекского народа.

Научная и практическая значимость диссертации определяется ее непосредственной связью с современным состоянием и развитием этнологической науки в Узбекистане, требующими расширения тематической проблематики и совершенствования методологических подходов. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке и проведении специальных курсов в высших и средне-специальных учебных заведениях, рассматривая традиции народного сказительства в качестве этнографического источника, а также в целях широкой пропаганды и возрождения национальных ценностей, обычаев и обрядов, присущих традициям хозяйственной деятельности и семейно-бытовой обрядности, отраженных в узбекских народных дастанах.

Реализация результатов работы. Отдельные положения и выводы могут быть использованы при создании монографий, учебников и учебных пособий этнофольклорического направления в аспекте этнологии, а также при проведении теоретических и практических занятий в рамках курсов «Этнология», «Этнофольклористика», «Культуроведение» и др. для студентов высших и средне-специальных учебных заведений Республики.

Апробация работы. Основное содержание и выводы диссертации были изложены в статьях, опубликованных в научных журналах и сборниках. Диссертация обсуждена на заседании отдела «Этнология» Института истории АН РУз.

Опубликованность результатов исследования. Результаты работы нашли свое отражение в 10 научных статьях. Из них 9 опубликованы в научных журналах, 1 публикация в научном сборнике.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации 150 листов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность избранной темы, определен объект исследования, очерчены хронологические рамки, рассмотрена степень изученности вопроса, сформулированы цель и задачи, обоснованы положения, выносимые на защиту, указаны теоретико-методологические

основы, методы научного исследования, источниковая база, обоснована научная новизна и указана структура работы.

В первой главе диссертации **«Роль этнофольклористики в изучении историко-этнографических особенностей традиций узбекской школы народных сказителей»** обозначен круг исследования в этнофольклористическом направлении, с позиций которого изучены исторические основы традиций сказительства узбекского народа и этнографические сведения о межэтнических отношениях, отражённых в дастанах бахши Кашкадарьинского оазиса.

Анализ важнейших факторов³⁸, определяющих сущность этнофольклористики как составной части этнологической науки и обосновывающих выбор объекта исследования позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, этнофольклористика научно обосновывает роль фольклорных материалов в качестве этнографического источника для этнологической науки;

во-вторых, этнофольклористика, сопоставляя этнографические сведения, присутствующие в фольклорных материалах, с историко-этнологическими источниками, приводит к научному выводу о том, что они имеют реальную историческую основу;

в-третьих, этнофольклористика изучает на базе методологии этнологической науки произведения фольклора, содержащие в себе сведения об историко-этнографических особенностях, общественном строе, религиозных верованиях и материальной культуре прошлого, не упомянутых в письменных источниках, документах и не отраженных в археологических памятниках некоторых народов;

в-четвертых, этнофольклористика выявляет процесс отражения в фольклорных материалах сведений об образе жизни народа, территориально-географическом расселении племен и родов в прошлом и настоящем, их хозяйственных традициях и семейно-бытовой обрядности.

Кроме того, этнофольклористика осуществляет сопоставительное изучение приводимых в народных сказаниях сведений с реальными этнологическими фактами и делает научные выводы с учетом степени:

- реальности;
- идеализированности;
- историчности;
- фантастичности.

В качестве примера этого принципа в диссертации приводится отрывок из эпоса «Алпамыш», записанный у Фазыла Юлдаша (бахши из Самарканда). Следует кратко проанализировать описываемые в эпосе обряды «ит ириллар» («рычание собаки») и «кампир ўлди» («смерть старухи»), сопутствовавшие обряду бракосочетания.

³⁸ Фольклор и этнография. – Л.: Наука, 1970. – С. 3-15.

В дастане этот обычай проводился в юрте Барчин: «Бархатную юрту новобрачных пологом завесили. Хотел Алпамыш с несколькими дружками своими в юрту войти, но женщины, бывшие там, показали по обычаю «смерть старухи», кое-что получили за это, но все-таки, жениха не впуская, устроили «собачье рычание», – за это тоже получили кое-что и лишь тогда впустили жениха в юрту. Хаким и дружки, все время кланяясь, за откинутый полог прошли; женщины скатерть перед ними разостлали, подали баранью грудинку. Дружки жениха насытившись как следует, раздали женщинам тубетейки, платки, платья. Исполнив все, что по обычаю положено, дружки жениха удалились...»³⁹.

Сопоставляя описание обрядов «смерть старухи» и «собачье рычание» с этнологическими материалами мы отмечаем некоторую неточность, присутствующую в сказании. Как правило, обычно сначала совершался обряд «собачье рычание»⁴⁰, и только затем – «смерть старухи». Однако эта погрешность не является принципиальной.

Сравнительное изучение обрядов бракосочетания, изложенных в «Алпамыше» с этнографическими материалами показывает, что большинство этих обрядов имеют реальную историко-этнографическую основу. В эпосе не встречаются случаи идеализации, нарушения историчности или фантастичности какого-либо обряда.

Важными факторами, подтверждающие выбор объекта исследования этнофольклористического направления, являются следующие:

- изучение формирования традиций узбекского народного сказительства и их историко-этнографических основ;
- осуществление сравнительного анализа этнографических сведений о межэтнических отношениях, имеющих в образцах устного народного творчества каждого народа;
- исследование историко-этнографических особенностей хозяйственных традиций, семейно-бытовой обрядности и национальных ценностей, отраженных в узбекских народных сказаниях.

В диссертации осуществлен сравнительный этнофольклористический анализ первого фактора, а именно исторических основ формирования традиций узбекского народного сказительства с исторической канвой периода возникновения народных дастанов и этнической историей узбекского народа XI – XVIII вв.:

- одной из важных особенностей, свойственных периоду последовательного развития узбекской народной школы сказителей, является возникновение весьма специфических эпических традиций в той или иной местности. Территориальное размещение населения и постепенное развитие местных эпических традиций оказывали влияние на формирование народных школ сказителей. Так, в результате слияния дастанов тюркских племен,

³⁹ Алпомиш / Айтувчи: Фозил Йўлдош ўғли. – Тошкент: Фан, 1957. – Б. 166-167.

⁴⁰ Наливкин В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань, 1886; Наливкин М. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: Изд-во А.Л. Киренева, 1913 и др.

проживавших в Мавераннахре в X – XI вв. со следами древних сказаний, сложился узбекский народный героический эпос «Алпамыш», который частично по сюжетной линии, трактовке многих мотивов, по своей природе и характеру отличается от алтайской богатырской сказки «Алып-Манап». Этот процесс, укрепив культурные взаимосвязи между оседлым и кочевым населением, стал одним из первых этапов зарождения традиций школы народных сказителей;

– в XI – XVI вв. различные субэтноты узбекского народа, населявшие Мавераннахр, продолжали сближаться в этнокультурном плане. Эти процессы оказывали значительное влияние на активизацию взаимоотношений бахши, принадлежавших к разным этническим группам и родам, а также на возникновение уникальных традиций школы сказителей с весьма специфическим направлением развития. Так, один из видных представителей курганской школы сказителей Мухаммад Джомрат оглы Пулкан-шоир был родом из кишлака Катаган Хатырчинского района и принадлежал к субэтноту *катаган*⁴¹ узбекского народа. Ещё одним представителем данной школы сказителей был Нурман Абдувай оглы, происходивший из кишлака Энаш яхши Пайарыкского района и принадлежавший к субэтноту *найман*⁴². Словом, взаимоотношения бахши, относящихся к разным родам узбекского народа, и процесс их творческого содружества также оказывали влияние на возникновение и формирование традиций сказительства;

– существовавшие между скотоводами и оседлыми земледельцами, проживавшими в разных этно-культурных областях в XVI – XVIII вв., культурные и экономические отношения являются одним из важных направлений этнического процесса, происходившего в крае. В результате творческих взаимоотношений и развития эпических традиций бахши – представителей оседлого и скотоводческого населения, возникли своеобразные традиции школ сказителей. Так, волею судьбы кашкадарьинцу Умир-шаиру Сафарову с семьей пришлось обосноваться в кишлаке Гамбир Шерабадского района. Байназар-бахши познакомил его с представителем местной школы сказителей Шерна-бахши и он стал его учеником⁴³. Словом, в результате таких случаев формировались и новые эпические традиции;

– в процессе этнических отношений, существовавших в XVI – XVIII вв., происходило территориальное сближение бахши из разных родов узбекского народа с каракалпакскими, казахскими, таджикскими бахши-шаирами, также проживавшими в Мавераннахре. Например, Бекмурад Джурабай оглы, происходивший из узбекского субэтноты *карлук*, принадлежал к нуратинской школе сказителей. По свидетельству бахши Эргаша Асобеаева и его ученика – каракалпака Курбана Навруза, он исполнял дастаны на узбекском, казахском и каракалпакском языках. Учителем

⁴¹ Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос... – С. 46.

⁴² Там же. – С. 53.

⁴³ Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома. – Тошкент: Мехнат, 1999. Т. I. – Б. 150.

Бекмурада Джурабая был узбекский сказитель Курбан-джирау из кишлака Мазар. А сам Курбан-джирау постигал азы мастерства у каракалпакского бахши XIX в. Чанкута-джирау⁴⁴. Таким образом, можно считать, что огромную роль в формировании нуратинской школы сказителей сыграли межэтнические отношения, в которых участвовали, наряду с узбекским населением, каракалпаки и казахи, проживавшие в XVI – XVIII вв. в северной части Нуратинского района, а также в окрестностях Канимехского района.

Второй важный фактор освещен диссертантом на примере анализа межэтнических отношений, описанных в «Алпамыше». Обращение к историко-этнологической литературе позволяет внести ясность в некоторые научные вопросы, связанные с субэтносом *кунграт*. В варианте Фазыла Юлдаша четко указано, что главный эпический герой происходил из «шестнадцатиколленного племени» кунгратов.

*Шестнадцатиколленным племенем Байсун-Кунградским
Управляя некий бий Дабан-бий
У Дабан-бия был сын Алтин-бий
У Алтин-бия были Байбури и Байсары...*⁴⁵

Рассматривая этническое разветвление кунгратов мы отмечали, что это племя состояло из пяти больших родов. Главой племени был Кунгир-ата, у которого от первой жены было четыре сына: Вахтамгали, Коштамгали, Конжигали и Айнли, а от младшей жены ещё пятый сын – Тортувли. Далее известно, что каждый из этих родов делился на несколько мелких родов: *вахтамгали* – 18, *коштамгали* – 16, *конжигали* – 14, *айнли* – 12, *тортувли* – 6. В «Алпамышнаме» описывается, что Алпамыш происходил из «шестнадцатиколленного рода»⁴⁶, а значит он и его предки были из рода *коштамгали*.

В дастане упоминается и субэтноса *калмык*. Согласно историко-этнологической литературе, монголы называли ойратов – *олот*, китайцы – *вало*, а тюрки – *калмык*⁴⁷. Образ жизни калмыков был, в основном, кочевым, а их правители носили титул *тайши (тойчахон)*⁴⁸. По свидетельству исторических источников, ханы из рода Чингизхана именовались титулом *тайчжи* (от китайского *тай-цзы* – «царевич»), перешедшим и к калмыцким удельным князьям (напр., Эсень-тайчжи, Амасанчжи и др.). Следовательно, приведенное в дастане имя «Тайчахан» в действительности является термином, часто встречающимся в исторической литературе, и его следует понимать как титул, присваиваемый калмыцким правителям. Известно, что калмыки проживали на пограничной территории Казахстана, Монгольской

⁴⁴ Мирзаев Т. Халқ бахшиларининг эпик репертуарлари. – Тошкент: Фан, 1979. – Б. 44.

⁴⁵ Мирзаев Т. Алпомиш достонининг ўзбек вариантлари. – Тошкент: Фан, 1968. – Б. 68.

⁴⁶ Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома... Т. I. – Б. 55-56.

⁴⁷ Веселовский Н.И. Лекции по истории монголов // Изд. Кружка ориенталистов при факультете восточных языков. – СПб., 1909. – С. 95; Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше богатырская сказка. – М.: Восточная литература, 1960. – С. 47.

⁴⁸ Потапов А.П. Очерки по истории Алтайцев. – М.: Наука, 1953. – С. 113.

Республики, на Алтае и Тяньшане, в окрестностях озера Балхаш. В этническом плане калмыки имели отношение к монгольским народам и говорили на монгольском языке, о чем имеются сведения в исторических произведениях⁴⁹. Стало быть, калмыки, о которых идет речь в эпосе, в этническом и лингвистическом отношении имели тесные связи с монгольскими этносами.

Таким образом, этнофольклористика как аспект этнологии, изучая историю формирования традиций узбекской школы народных сказителей, этническую историю народа, отраженную в устном народном творчестве, хозяйственные традиции и семейно-бытовую обрядность по этнологическим источникам, применяет сравнительно-исторический метод при анализе этнографических материалов.

Во второй главе диссертации **«Этнологическое исследование традиций хозяйствования, отраженных в народных дастанах Кашкадарьинского оазиса»** проанализированы этнографические сведения об этническом составе населения оазиса, в котором формировались традиции школы сказителей, а также традиции хозяйствования, содержащиеся в дастанах бахши.

На территории оазиса, в местности, где сформировались традиции чиракчинской и камайской школы сказителей⁵⁰ проживали такие субэтносы узбеков, как *сарай*, *кутчи* и *кунграт*. Сарай наряду с другими узбекскими субэтносами жили в западной части Чиракчинского района – в кишлаках Такай килди, Сарыкамыш, Лолабулак, Чувуллак, Шуркудук, Сарсан, Умакай. В начале XX в. И.Х. Ханьков писал, что сараи кочевали в окрестностях Самарканда и по Каршинской степи⁵¹. Н.А. Аристов в свою очередь отмечал, что сараи обосновались на территории западной части кишлака Кошхауз до Ханчарбага⁵². О переселении сараев в Чиракчинский район свидетельствовал А. Гребенкин, а затем и И. Яворский, которые отмечали, что сараи сначала обосновались в Балхе. Позже они начали продвигаться на север, в степную зону около Гузара и осели в местности между Карши и Джамом⁵³. По этим сведениям можно прийти к выводу, что сараи обосновались на территории Чиракчинского района еще с незапамятных времён.

В Чиракчинском районе наряду с сараями жили и представители субэтноса *кутчи*. В западной части данной территории в кишлаках Токчи, Казах, Токмар, Чувуллак, Ак тунни, Семиз, Галакудук и других обосновались 310 семей *кутчи*. Так, проведенные в районе полевые этнографические исследования показывают, что один из представителей чиракчинской школы

⁴⁹ Успенский Н. Кукэнор, или Цин-хай. – СПб., 1880.

⁵⁰ Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома... Т. II. – Б. 17.

⁵¹ Ханьков И.Х. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1849. – С. 64.

⁵² Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских народностей и племен // Живая старина. – СПб., 1896. Вып. III. – С. 423.

⁵³ Гребенкин А. Узбеки // Русский Туркестан. – М., 1872. Вып. II. – С. 89; Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–79. – СПб., 1883. Т. II. – С. 34.

сказителей Азим бахши был из субэтноса *кутчи*⁵⁴. В хозяйственной жизни кутчи, проживающих в Чиракчинском районе в отличие от сараев, больше сохраняются элементы полуоседлого образа жизни.

На территории возникновения камайской школы сказителей заметную роль играет субэтнос *кунграт*. Так, Хидыр-шаир был родом из кишлака Кызыкуль, а по этническому происхождению принадлежал к кунгратам⁵⁵. По этой причине камайские сказители, говоря о домбре, произносят присказку: «Домбра удачно перебралась через дурмен и села в кунграте». Проживающие в Камашинском районе кунграты считают себя «камайцами». В 15–20 км на западе от райцентра Камаша находится Камайский сельсовет, который состоит из двенадцати кишлаков. Здесь в середине 80-х годов проживала тысяча семей. Сельское население в основном относилось к роду *бугажили*, который входит в состав более крупного рода *вахтамгали* субэтноса *кунграт*⁵⁶. *Вахтамгали* проживали в Шерабадском оазисе, на берегу Амударьи близ Термеза, в нижнем течении Сурхандарьи и на берегах Каратагдарьи. В конце XVII – начале XVIII в. камайские кунграты переселились с территории нынешнего Шерабадского района Сурхандарьинской области⁵⁷. Выходит, что традиции камайской школы сказителей исторически восходят к шерабадской школе бахши и формировались в XVIII – XIX вв. на территории кишлака Камай, где до настоящего времени живут кунграты и продолжают сохранять свое творческое наследие.

В дастанах, которые исполняли представители этих двух школ, нашли отражение этнографические мотивы об образе жизни скотоводческого населения и видах их хозяйственной деятельности. Одним из таких сказаний является дастан «Ёзи и Зебо»⁵⁸.

*Ты лучшая из коз, чирий-чирий,
Твое дитя большое как гора, чирий-чирий,
Отталкиваешь от себя свое дитя, чирий-чирий,
Ранена ли твоя душа, чирий-чирий...*⁵⁹

У населения оазиса существовали особые песни, посвященные скоту. Их напевали при уходе за коровами, которые не давали молока или отказывались кормить телят, а иногда при уходе за заболевшими баранами или козами. В припевах к этим песням *чирий-чирий*, *турей-турей* выражено обращение к Чупан-ата с просьбой сохранить скот.

Коз в основном разводили небогатые хозяйства оазиса для получения мяса, молока, шерсти и кожи. Их разводили в Сурхан-Шерабадском и

⁵⁴ Полевые записи. Информатор – Махманов Урол. Кишлак Казах Чиракчинского района. 1-3 марта 2007 г.

⁵⁵ Каххоров А. Янги достонлар. – Тошкент: Фан, 1985. – Б. 12.

⁵⁶ Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана – Ташкент: Наука, 1976. – С. 90.

⁵⁷ Муродов М. Сарчашмадан томчилар. – Тошкент, 1984. – Б. 82.

⁵⁸ Фольклорный Архив (Далее – ФА) Институт языка и литературы АН РУз. Инв. № 16, 1512, 1514, 1557, 1606, 1601, 9351.

⁵⁹ Эргашев А., Халилова Д. «Ёзи билан Зебо» достони... – Б. 44.

частично, в Кашкадарьинском оазисах. Разведение и уход за баранами по сравнению с козами было делом более трудоемким. Из историко-этнологических источников известно, что основное поголовье скота принадлежало зажиточным хозяйствам оазиса. В отдельных хозяйствах некоторых субэтносов было до тысячи и более голов овец. В частности, баи из числа узбеков-карлуков владели десятками тысяч овец. Особое место в сказаниях уделяется отношению к крупному рогатому скоту:

*Если ты не пойдёшь, не родится вол такой, как ты,
Если я не пойду, не зажжется большой факел,
Паши землю хорошо, бедняга скотинушка
Где же моя любимая, чувха-я,
За тем ручьём твоя любимая, чувха-я...⁶⁰*

Крупный рогатый скот выращивался полуоседлым и оседлым населением, занимающимся земледелием. Очень важное место в жизни оседлого населения предгорных районов занимали волы. Причиной этого были благоприятные природные условия для выращивания крупного рогатого скота. Так, в конце XIX – начале XX в. в богатых хозяйствах Кашкадарьинского оазиса содержалось до 2000 голов скота, в средних до 10–15, а в бедных семьях не более 2. Разведение крупного рогатого скота, особенно волов как основной тягловой силы в земледелии, у оседлых узбеков, также как и овцеводство, носило товарный характер. Волон выращивали не только для личного хозяйства, но и для рынка, их продавали в районы орошаемого земледелия, где на них был большой спрос. Земледельцы-бедняки Зарафшанской и Ферганской долин после окончания полевых работ продавали свой скот, так как не имели возможности прокормить его в зимний период, а весной вновь покупали. В отличие от баранов и коз, крупный рогатый скот использовался скотоводческим населением в качестве вспомогательного средства в работах, связанных с земледелием, а именно для прокладывания арыков и междурядий.

На территории Средней Азии еще в эпоху неолита⁶¹ наряду со скотоводством зародилась и земледельческая культура. Однако в разных районах это происходило в разное время, т.е. исходя из их географического положения. Материалы, обнаруженные в ходе археологических работ при раскопках Сапаллитепа, Чуста, Заманбаба и Тазабагьяба подтверждают, что оседлое земледелие зародилось в южных областях Узбекистана во II тысячелетии до н.э.⁶² Именно поэтому земледельческие традиции занимают особое место в эпических сказаниях бахши.

Ярким примером этого являются фрагменты дастана «Ёзи и Зебо» Кадыр-бахши Рахимова (из Дехканабада), в которых нашли отражение подробности процесса хозяйственной деятельности земледельцев. Известно,

⁶⁰ Эргашев А., Халилова Д. «Ёзи билан Зебо» достони... – Б. 39.

⁶¹ Массон М.В. Средняя Азия и Древний Восток. – М.-Л., 1964. – С. 82-122.

⁶² Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Т.: «Фан», 1977. – С. 35.

что вспахивая землю кошем (парой волов), в ходе жатвы, а также при обмолоте дехкане распевали песни из этого сказания⁶³.

*Паши, паши, да с хворостиною,
Не сей зерно да черпаком,
Младший сын старается,
Да сил не хватает с омачом...*⁶⁴

Здесь мы видим подробности земледельческой деятельности трудового народа. Также следует отметить, что речь идет о поливном земледелии, поскольку скот использовали не только для пахоты, но, как уже говорилось, и при прокладывании арыков для полива. В I тысячелетии до н.э. с появлением орудий труда из железа в Средней Азии происходит некоторое развитие земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении. В одном из самых древних письменных источников – «Авесте» встречаются названия таких исторических областей, как Маргиана, Парфия, Хорезм, Бактрия (территория южного Узбекистана). Основным занятием населения этих областей было земледелие, в том числе и поливное. В сказании ярко выражено отношение людей к рабочему скоту, вера в покровительство высших сил, а также сохранились анимистические и тотемистические представления наших предков.

Жатва урожая зерновых и обмолот были очень тяжелым трудом для жителей оазиса. Чтобы как-то облегчить изнурительный труд люди сопровождали свои действия песнями. В ходе молотбы земледельцы распевали такие традиционные песни, как *хон майда*, *майдаё-майда*, *майдагуль*. В дастане весьма своеобразно отражена реальная жизнь:

*Наточил твои рога, майдаё-майда,
Смазал твои копыта, майдаё-майда.
Молотить тебе хирман, майдаё-майда,
Повелел Бобо-Дехкан, майдаё-майда...*⁶⁵

Текст и интонация песни зависела от настроения *галаговчи* (певца). Если он был сильно утомлен, то песня была грустной и заунывной. Исполнение песен называлось *галагов*, а главным желанием начавшего петь дехканина было поскорее завершить трудную работу. В процессе исследования диссертантом было выявлено, что варианты дастана «Ёзи и Зебо» в исполнении Кадыра-бахши и Раззака-бахши являются наиболее полными и художественными. Ни в одном из других вариантов дастана этнографические сведения, связанные с земледелием, не приводятся так подробно и последовательно⁶⁶. Эта же традиция существовала у таджиков (*майда*) и у кыргызов (*он майда*). Старики считают, что песня *майдаё-майда* была посвящена Бобо-Дехкану, дабы он даровал земледельцам больше сил и усердия.

⁶³ Очиллов К. Қалдирғочни қўндирган қўшиқ. – Самарқанд: Зарафшон, 1992. – Б. 12.

⁶⁴ Очиллов К. Меҳнат қўшиқлари бадиияти. – Қарши: Насаф, 2006. – Б. 21.

⁶⁵ Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома... Т. II. – Б. 488.

⁶⁶ Халилова Д.Ж. «Ёзи билан Зебо» достонининг вариантлари ва бадиияти: Филол. фан. номзод. ... дисс. автореф. – Тошкент, 2004. – Б. 15.

В сказании встречаются этнографические сведения, касающиеся ремесленничества. В этой связи приводим фрагмент, в котором отображен процесс изготовления ковра:

*Три колышка в три стороны,
Три колышка соединив,
Вколачивает Ёзиджан,
Завязывает Ёзиджан...*⁶⁷

Ковры ткали методом хашара. Процессом руководили пожилые женщины с большим жизненным опытом, а основную работу выполняли молодые. В дастане подробно описан процесс работы ткача. В оазисе до начала работы над простым ковром с трех сторон пространства вбивались по три колышка, которые составляли три треугольника. Девушки и женщины наматывали на них выкрашенную разными красками шерсть. После намотки один из колышков вынимался и устанавливался так, как сподручнее ткачу. Ковры из хлопчатобумажной пряжи изготовливались среди земледельческого населения, а из шерсти – среди населения, занимающегося скотоводством. Ковроткачество занимало важное место в быту населения.

В дастане встречается много песен, связанных с вышиванием и шитьем одежды. Так, героиня эпоса Зебо вышила для суженого платочек, узорчатый поясной платок, войлочный головной убор, а также ряд предметов обихода. Девушка была искусной вышивальщицей, что подтверждается подробным описанием этих предметов в сказании:

*Сошью платок с бахромой,
Бахрому украшу бусинами,
Пусть обхватит пояс любимого,
Его объятия широки как горы...*⁶⁸

Здесь речь идет об обычае вышивания поясного платка (*белбоғ*), который украшали узорами, бахромой и бусинами. Бусины выполняли роль оберега от нечистой силы и дурного глаза⁶⁹. В историко-этнологической литературе нередко упоминается о *туморах* – амулетах и чёрно-белых бусинах от сглаза (*кўзмунчоқ*), которые широко использовались населением оазиса в качестве оберега от разного рода бедствий и враждебных сил.

Таким образом, в оазисе, где сформировались традиции школы сказителей, проживали субэтноты *сарай*, *кучи* и *кунграт*. В сказании содержится описание многих обычаев и обрядов скотоводов, посвященных их покровителю – Чупан-ата. Вместе с тем, в тексте немало подробностей из образа жизни населения, занимавшегося поливным земледелием, в том числе и об отношении к рабочему скоту, в котором наглядно проявились анимистические и тотемистические представления наших предков. Изучая хозяйственную деятельность населения и значение ремесленных традиций в

⁶⁷ Эргашев А., Халилова Д. «Ёзи билан Зебо» достони... – Б. 45.

⁶⁸ Там же. – С. 41.

⁶⁹ Герасимов А.В. Анализ гимнов Атраварведы // Индия в древности. – М., 1964; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусства Узбекистана. – М., 1971.

жизни земледельцев и скотоводов, диссертант обратил особое внимание на магический характер узоров, украшений, бусин, которые помимо эстетической цели, выполняли функции оберега.

В третьей главе работы **«Отражение семейно-бытовых обрядов в народных дастанах оазиса»** изучены этнографические сведения, связанные с периодом детства, свадебными обрядами и религиозными убеждениями населения края.

В варианте «Алпамыша» Кара-бахши Умирова обряд *этак йиртиши* (этно. «помолвка») совершил Ходжаи Хызр: «Назвал он сына Байбури Хакимбеком, а дочь Байсары – Ай-Барчин. Шлепнул разок по спине Хакимбека, остался след его ладони. Взяв двух младенцев на оба колена, пометил их обоих. Соединив полы рубашек, одновременно разорвал, тем самым помолвил их, а затем благословил: «Пусть не знает горя Хакимбек, достигнув совершеннолетия пусть станут эти двое мужем и женою, Аллах велик, Аминь!...»⁷⁰.

Обряд *бешиккертти* в варианте «Алпамыша» Фазыла Юлдаш-оглы совершил старец-каландар Шахимардан: «Вынесли бии всех своих троих детей, положили их святому человеку в полы халата. Нарек старец святой сына Байбури Хакимбеком, шлепнул младенца рукой по спине – остался на ней след благодати, отпечаток его пятерни. Дал старец имя дочери Байбури Калдыргач-аим, дочери Байсары – Ай-Барчин. Тут же с колыбели он и помолвил Хакимбека и Барчин-ай, сказав: Да будут эти двое мужем и женою, да будет Хаким велик и славен и никто ему да не будет равен! Аминь!... Отбыл старец, а в народе заговорили: «Аллах наградил биев, получили они благословение старца»⁷¹.

Итак, в обоих вариантах упоминаются обряд помолвки с колыбели (*бешиккертти*, *этак йиртиши*). Народные бахши исполняли сказания в зависимости от этнокультурных особенностей местности, где они проживали. Так, Кара-бахши Умиров являлся представителем шерабадской школы народных сказителей⁷². Изучавший обычаи и обряды, связанные со свадебными церемониями Л.П. Потапов отмечал, что на территории Байсунского и Шерабадского районов помолвка с колыбели была общеизвестна как *этек жертиши* («разрывание полы одежды»)⁷³.

Фазыл Юлдаш-оглы был представителем булунгурской школы сказителей⁷⁴. В этнографической литературе говорится, что в некоторых районах Зарафшанского оазиса среди местного населения подобная помолвка называлась *бешиккертти*⁷⁵. Это подтверждает и вариант Фазыла Юлдаша.

⁷⁰ Эргашев А., Омонова Г. Достонларда айрим урф-одатлар ва миллий кадриятлар. – Қарши: Насаф, 2000. – Б. 41.

⁷¹ Фозил Йўлдош ўғли. «Алпомиш» достони. – Тошкент: Фафур Фулом, 1985. – Б. 15.

⁷² Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома ... Т. I. – Б. 90.

⁷³ Потапов Л.П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков-кунград. – М.: Наука, 1958. – С. 48-49.

⁷⁴ Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос. – М.: Полиграф, 1947. – С. 48.

⁷⁵ Соатова С.А. Обрядовые комплексы в свадебном церемониале узбеков верхней части долины Зарафшан (в конце XIX – начале XX в.): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – Ташкент, 1999. – С. 15.

Следовательно, сказания отражают подробности образа жизни населения именно той местности, где проживают сказители.

Обручение основных героев сюжета еще до рождения или в колыбели мотивируется в эпосе вмешательством «высших сил», прямым указанием божественного покровителя. Как и герои эпоса, они «предназначены» друг другу. Этим объясняется и оправдывается в народном сознании та исключительная, провиденциальная любовь, которая соединяет в дальнейшем героя и его суженую. Если затем те или иные житейские соображения изменившегося имущественного или общественного положения, личные столкновения (как в «Алпамыше») или смерть одного из отцов (как в «Козы-Корпеше» или в «Тахире и Зухре») заставляют родителей порвать эту связь, свободное чувство любящих, вступающее в борьбу с этими «низкими» соображениями, получает как бы высшую религиозную санкцию и моральное оправдание с точки зрения патриархального обычного права.

В вариантах «Алпамыша» Эгамберди-бахши⁷⁶, Бекмурада Джурабая оглы⁷⁷, Умира-шаира⁷⁸, Мурада Атабая⁷⁹, Саидмурада Панаха оглы⁸⁰, Мамадрайма-бахши⁸¹, Захира Кучкар оглы⁸² упоминается о том, что Байбури и Байсары дали друг другу слово породниться через детей ещё до их рождения. В вариантах Пулкана и Эргаша Джуманбулбул оглы⁸³, Берди-бахши⁸⁴ этот обряд совершался после рождения Алпамыша и Барчин. Наиболее подробно этот обычай отражен в вариантах Фазыла Юлдаш оглы⁸⁵ и Абдулла-шаира⁸⁶. В их версии детей обручают не родственники, а святой покровитель Али.

В сказании «Алпамыш» наглядно представлен вид эндогамного брака. Например, в вариантах «Алпамыша» в исполнении Эгамберди-бахши, Фазыла Юлдаш оглы, Пулкана и Эргаша Джуманбулбул оглы, Мурада Атабай оглы, Саидмурада Панаха оглы, Умир-шаира, Мамадрайма юзбаши, Абдулла Нурали оглы, Захира Кучкар оглы, Хамро Эргаша, Хайдара-санновчи, Раззака Казакбай оглы, Амина-джирау⁸⁷ имеется утверждение, что Байбури и Байсары были братьями и жили в одной местности. По мнению этнографа О.А. Сухаревой, обычаи эндогамной формы брака были широко распространены среди народов Средней Азии с давних пор. Хотя произведения фольклора не обосновывают историко-этнологических корней различных форм брака, в «Алпамыше» однозначно отмечается, что Алпамыш

⁷⁶ ФА Института языка и литературы АН РУз, Инв. № 1530.

⁷⁷ Там же. Инв. № 191.

⁷⁸ Там же. Инв. № 1254.

⁷⁹ Там же. Инв. № 1439.

⁸⁰ Там же. Инв. № 733, 847.

⁸¹ Там же. Инв. № 1466.

⁸² Там же. Инв. № 1220.

⁸³ Там же. Инв. № 4.

⁸⁴ Там же. Инв. № 46.

⁸⁵ Там же. Инв. № 18.

⁸⁶ Там же. Инв. № 1217.

⁸⁷ Мирзаев Т. Алпомиш достонининг ўзбек вариантлари... – Б. 32-61.

и Барчин были двоюродными братом и сестрой, т.е. детьми родных братьев⁸⁸. Значит, в дастане описан обычай эндогамного брака.

В алтайском варианте дастана «Алпамыш» приводятся три условия брачных состязаний. В соответствии с реальными бытовыми традициями боевых игр тюркских народов обычными формами таких состязаний являются *пойга* или *байга* (бега), стрельба из лука и *кураш* (борьба). В вариантах сказителей Фазыла Юлдаша, Пулкана, Эгамберды-бахши, Мурада Атабай оглы и Берды-бахши условия состязания ставились Барчин, а в вариантах Бекмурада Джурабай оглы, Саидмурада Панах оглы, Умира-шаира – Тайчаханом⁸⁹. То, что условия диктовались девушкой, полностью соответствует традициям древнего церемониала брака.

В древности среди скотоводческого населения *кўпқари* (*улак*) являлся не просто традиционным конноспортивным состязанием, а еще и одним из видов условий брачных состязаний. Так, в варианте «Алпамыша» со слов Бахадыра-бахши, *купқари* описывалось следующим образом: «В Байсун-Кунграде происходил большой *купқари*. И тут бакаул со словами: «Эй, джигиты, сегодня первое условие Барчин. Честно сражайтесь, из 60 родов прибыли наезники, пусть каждый покажет, на что он способен» начал игру:

*Купқари удел отважных,
Звучным колокольцем ржанье,
Сто наездников в гостях,
Кто сильнее пусть покажет...⁹⁰*

Купқари является сплавом мастерства верховой езды, военной подготовки и физического здоровья, так как необходимо выполнять сложные действия, сидя в седле и на большой скорости. В ходе *купқари* в Дехканабадском районе Кашкадарьинского оазиса тушу козла бросают в толпу всадников с высоты (*ҳавоза*)⁹¹. Победителем становится тот, кто первым донесет добычу к финишу или к *бакаулбаши*.

*Два ягнёнка, пять козлят,
В одну кучу туши три,
Победителю – верблюд,
Всадники утомлены...⁹²*

Призы объявляет и раздает *бакаулбаши* (старшина или аксакал селения), он же следит за порядком в ходе проведения игры. В качестве награды победители получают скот, ковры, одежду, деньги или другие ценные вещи. По этнографическим сведениям, состязание *купқари* бывает двух видов: *қоқма* – отбирание и *пойга-купқари* или *қара* – гонки или бега⁹³.

⁸⁸ Сухарева, О.А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии // Советская этнография. – М., 1940. – № 3. – С. 172-176.

⁸⁹ Мирзаев Т. Алпомиш достонининг ўзбек вариантлари... – Б. 32-61.

⁹⁰ Муродов М., Эргашев А. Алпомишнома ... Т. I. – Б. 293.

⁹¹ Жалилов И. Ўзбек халқи анъанавий байрамлари, сайиллари ва ўйинлари. – Қарши: Насаф, 2005. – Б. 45.

⁹² Эргашев А., Халилова Д. «Ўзи билан Зебо» достони... – Б. 54.

⁹³ Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа. – Ташкент: Фан, 1974. – С. 333.

В вариантах дастана бахши Кашкадарьинского оазиса речь идет о *қоқма*, т.е. когда туша козла бросалась в толпу, а каждый из всадников старался отнять ее у другого. Тот, кто, преодолев сопротивление, вырывался из круга противников, считался победителем.

В узбекских дастанах нашли отражение и религиозные верования наших предков. Одним из таких проявлений считается описание в «Ёзи и Зебо» обряда у постели больного, в ходе которого совершалось гадание, зажигался светильник в целях очищения и спасения заболевшего:

*С толпой джинов повстречалась,
Бродив много утомилась,
И джигита полюбив,
Ты тоскуешь от разлуки.
В этом гадании мне привиделся джигин, дитя моё...⁹⁴*

Здесь речь идет о способе лечения больного гаданием, в процессе которого делается попытка выявить, какие из злых сил стали причиной болезни и какая жертва необходима для излечения. Жертвоприношение совершалось, чтобы умиловать духов-покровителей и изгнать нечистую силу, вселившуюся в человека. Шаманы тюркских народов отличались от других тем, что демонстрировали магические приемы, т.е. могли глотать огонь, ходить босиком по острым предметам, втыкать кинжал в тело и т.д. В.Н. Басилов отмечает, что некоторые из обрядов и обычаев, связанные с исламскими традициями, в действительности относятся к шаманству и уходят корнями в далекое прошлое⁹⁵. Тюркские шаманы могли предсказывать судьбу, совершать отворот и лечить болезни, причиной которых были злые духи. Эта традиция сохраняется и по сей день.

В дастане содержатся песнопения и причитания Джуги-момо в сопровождении женщин, участвовавших в обряде. В этих причитаниях *кушнач* и *кинначи* выражено запугивание в отношении злых духов, попытка изгнания их из тела больного, обращение к духам-покровителям:

*Поймав тебя, вгоню в могилу,
Изгоню дурной глаз,
А если после этого не выйдешь,
Прогоню тебя, стуца в бубен.
О мой владыка, эй жаббар, эй мой пир...⁹⁶*

Из этого фрагмента ясно, что в данном случае применялся метод *қоқиши* (похлопывание). Заболевшего слегка ударяют хворостиной или ладонями по спине и другим частям тела. *Кушнач* посадив больного посреди комнаты, закрывала его лицо тонкой тканью и в присутствии родственников совершала обряд. При лечении больного от вреда, нанесенного злыми духами, *бахши* и *кушнач* использовали бубен, домбру, кобуз, камчу, зеркало и веревку, при

⁹⁴ Эргашев А., Халилова Д. «Ёзи билан Зебо» достони... – Б. 56.

⁹⁵ Басилов В.Н. Пережитки шаманства у туркмен-гекленов // Древние обряды, верования и культура народов Средней Азии. – М., 1986. – Б. 99.

⁹⁶ Эргашев А., Халилова Д. «Ёзи билан Зебо» достони... – Б. 57.

этом важную роль играли музыкальные инструменты⁹⁷. В дастане говорится, что *кушнач* или бахши кружа вокруг больного, изгоняли злых духов. Это действие совершалось обычно под аккомпанемент бубна. Гадание, зажигание светильника, очищение и другие ритуальные приемы тесно переплетаются с шаманскими верованиями.

В дастане «Алпамыш» нашли отражение такие тотемистические верования, как культы лошади и верблюда. Они тесно связаны с хозяйственной деятельностью скотоводческого населения. Проследивая другие проявления тотемистических воззрений, мы отмечаем, что имя Байбури (*бури* – волк) является этническим термином, сформированным на основе тотемистических представлений древних тюрок и гуннов. Даже термин *кунграт* несет в себе информацию об обоожествлении нашими предками лошадей.

В некоторых узбекских и каракалпакских вариантах упоминается покровительство Хызра и сорока святых чилтанов. В эпосе «Алпамыш» мотив чудесного рождения героя обычно связан с господствовавшими у мусульманских народов Средней Азии религиозными суевериями и бытовой практикой лечения бесплодия магическими средствами.

Наречение имени играет весьма существенную роль в эпической биографии героя богатырского эпоса как магическое благословение и предсказание его будущего героического пути. А обряд наречения имени в эпосе «Алпамыш» сохранился и в рамках учения ислама. В эпосе наречение имени совершается дервишем-каландаром, тем же Шахимарданом или Хызром (в вариантах Бекмурада Джурабай оглы – до рождения детей, а в вариантах Фазыла Юлдаша оглы, Берды-бахши, Эгамберды-бахши – после рождения детей), заменившими в этой роли древнего шамана.

Таким образом, в процессе сопоставительного анализа этнографических сведений о периоде детства, брачных отношениях и религиозных верованиях, содержащихся в дастанах бахши Кашкадарьинского оазиса со сказаниями бахши других оазисов становится ясно, что семейно-бытовой уклад жизни местного населения имеет специфические локальные черты, обусловленные этнотерриториальными и этнокультурными особенностями оазиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации сделаны следующие **выводы**:

1. Этнофольклористика на основе этнологических источников и сравнительно-исторического метода изучает историю формирования традиций узбекской школы сказителей, а также этнографический аспект обрядов и обычаев, связанных с этнической историей, хозяйственными традициями и семейно-бытовой обрядностью, отраженных в устном народном творчестве;

2. Этнофольклористический анализ истории традиций школы сказителей проясняет, что они возникли в результате процесса формирования

⁹⁷ Эшонкул Ж. Фольклор: образ ва талкин... – Б. 27.

эпического творчества на фоне сложной этнической истории узбекского народа с X – XI до XVIII в.;

3. Традиции школы сказителей оазиса формировались в конце XVIII – второй половине XIX вв. в Чиракчинском и Камашинском районах на территории, где проживает скотоводческое, частично земледельческое население и ремесленники. Если в местности, где формировалась чиракчинская школа сказителей проживают субэтносы *сарай* и *кутчи*, то на территории возникновения камайской школы сказителей основную часть населения составляли *кунграты*;

4. В дастанах сказителей оазиса встречается немало описаний обрядов и обычаев, связанных с хозяйственными заботами, образом жизни, средой проживания скотоводов, а также посвященных их мифическому покровителю Чупан-ата. Это подтверждает то, что скотоводство играло важнейшую роль в традициях хозяйствования населения Кашкадарьинского оазиса. В дастане наглядно проявляется древняя история образа жизни скотоводческого населения и тесное переплетение традиций хозяйствования с древними религиозными верованиями;

5. В «Ёзи и Зебо» – образце эпического творчества сказителей Кашкадарьинского оазиса, вырисовывается развитие земледелия, основанного на поливной системе искусственного орошения. В дастане выражено отношение к рабочему скоту, вобравшее в себя анимистические и тотемистические представления сельской общины оазиса. Особое внимание обращено на веру людей в покровительство высших сил, особенно в Бобо-Дехкана, который играл важную роль во всей системе культа плодородия. Отмечена взаимосвязь ряда земледельческих обрядов с зороастрийскими традициями;

6. Исследование состояния ремесленной деятельности, описанной в дастанах бахши оазиса, выявило, что традиции изготовления одежды из хлопчатобумажного полотна, а также ковроткачество их хлопковой пряжи были распространены среди населения земледельческих районов, а из шерсти – среди жителей скотоводческих районов. Вместе с тем отмечено, что украшение одежды бусинами преследовало не только эстетическую цель, но и имело магический характер;

7. В изучаемых нами наиболее известных вариантах «Алпамыша» обычай «помолвки» с малолетнего возраста, входящий в состав брачной обрядности, описан в разных видах. В частности, в варианте Кара-бахши Умирова изложен обычай *этак йиртиш*. Это обстоятельство объясняется локальными особенностями свадебной обрядности местности, где жил бахши. Выявлено, что бахши интерпретировали этот обычай, исходя из этнокультурных особенностей традиций данной местности;

8. В дастане «Алпамыш», исполняемом сказителями оазиса, отображен эндогамный вид брачных отношений между главными героями сюжета. В дастане количество условий трактуется по-разному. В рассматриваемых нами народных сказаниях отмечены особенности этнографических мотивов конноспортивного состязания *купкари*. Так, в «Ёзи и Зебо» в отличие от вариантов «Алпамыша», проведение *купкари* охарактеризовано более полно.

Причиной этого являлось то, насколько бахши знал условия и правила игры, и в какой степени он был способен описать процесс;

9. Этнографический материал, связанный с религиозными верованиями, которые прослеживаются в дастане «Ёзи и Зебо», содержит следы шаманских и анимистических обычаев и обрядов. Наблюдаемые в «Алпамыше» религиозные воззрения, в отличие от присутствующих в дастане «Ёзи и Зебо» верований, имеют в большей степени тотемистический, шаманский и магический характер.

На основе полученных результатов исследования считаем целесообразным представить следующие рекомендации и предложения:

– создать творческую организацию, оказывающую поддержку народным сказителям в целях сохранения этого уникального жанра как составной части древней культуры узбекского народа;

– организовать этнофольклористическую экспедицию в местности, где продолжают сохраняться эпические традиции, в целях сбора новых вариантов узбекских народных сказаний;

– публиковать наиболее полные и лучшие варианты народных сказаний, расширять этнологические исследования обрядов, обычаев и традиций, описанных в них и позволяющих восполнить знания о древней истории.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ

1. Норбўтаев П.П. Қашқадарё воҳаси достончилик мактабларининг тарихи // Ижтимоий фикр. – Тошкент, 2006. – № 4. – Б. 42-46.

2. Норбўтаев П.П. Достончилик мактаблари вужудга келишида этносиёсий жараёнларнинг ўрни // Ижтимоий фикр. – Тошкент, 2007. – № 2. – Б. 100-104.

3. Норбўтаев П.П. Қадриятлар талқини // Муҳофаза. – Тошкент, 2007. – № 7. – Б. 25-27.

4. Норбўтаев П.П. Халқ маросими «Бешиккерт» // Мозийдан садо. – Тошкент, 2007. – № 4. – Б. 32-34.

5. Норбўтаев П.П. Достоннинг миллий маданият тарихида тутган ўрни // Муҳофаза. – Тошкент, 2007. – № 5. – Б. 24-26.

6. Норбўтаев П.П. Кўпкари ва достон // Муҳофаза. – Тошкент, 2008. – № 3. – Б. 22-24.

7. Норбўтаев П.П. «Алпомиш» достонидаги исломий қарашлар // Имом ал-Бухорий сабоқлари. – Тошкент, 2008. – № 2. – Б. 118-120.

8. Норбўтаев П.П. «Алпомиш»даги этнологик қатламлар // Тафаккур. – Тошкент, 2008. – № 3. – Б. 124-125.

9. Норбўтаев П.П. Этнофольклористика тушунчаси // Таълим тизимида ижтимоий-гуманитар фанлар. – Тошкент, 2008. – № 3. – Б. 25-27.

10. Норбўтаев П.П. Марказий Осиё ва Европа халқлари ўртасидаги маданият алоқаларининг «Алпомиш» ва «Одиссея» эпосларида ёритилиши // «Халқаро муносабатларнинг янги тизими ва Ўзбекистон Республикаси» мавзусидаги илмий-назарий конференция тўплами. – Тошкент, 2009. – Б. 62-65.

Тарих фанлари номзоди илмий даражасига талабгор Норбўтаев Парда Панжиевичнинг 07.00.07 – Этнография, этнология ва антропология ихтисослиги бўйича «Қашқадарё воҳаси ўзбеклари этник хусусиятларининг халқ дostonларида акс этиши («Алпомиш» ва «Ёзи билан Зебо» дostonлари мисолида)» мавзусидаги диссертациясининг

РЕЗЮМЕСИ

Таянч сўзлар: этнофольклористика, этнос, фольклор, эпос, бахши, дostonчилик мактаблари, консолидация, ассимиляция, эндогамия, экзогамия, этник компонент, кўнғирот, қалмоқ, бешиккерт, этак йиртар, унаштириш, оёқ боғлатар, фол очиш, чироқ ёқиш, тотемизм, шомонлик, исм кўйиш, ғайритабиий туғилиш.

Тадқиқотнинг объекти: XX асрнинг 40-йиллари – XXI аср бошларида Қашқадарё воҳаси халқ бахшилари дostonларида ифодаланган хўжалик юритиш анъаналари ва оилавий-маиший маросимлар, урф-одатларни акс этиш жараёнларини этнологик нуқтаи-назаридан илмий асослаш.

Ишнинг мақсади: «Алпомиш» ва «Ёзи билан Зебо» дostonларида ифодаланган хўжалик юритиш анъаналари ва оилавий-маиший маросимларининг акс этиш жараёнларини этнологик тадқиқ қилишдан иборат.

Тадқиқотнинг усули: тарихийлик, объективлик, илмийлик, танқидий усул, тарихий-қиёсий таҳлил ва диалектик услуб.

Олинган натижалари ва уларнинг янгилиги: диссертацияда «Алпомиш» ва «Ёзи билан Зебо» дostonларида талқин этилган хўжалик юритиш анъаналари ва оилавий-маиший маросимлар мисолида турли хил тарихий-этнографик материаллар асосида муфассал ёритиб беришга ҳаракат қилинган. Диссертацияда XX асрнинг 40-йиллари ва XXI аср бошларида Қашқадарё воҳаси бахшилари ижодидаги шахсий архив ҳамда салмоқли ҳажмдаги фольклор материаллари илмий истеъмолга олиб кирилди.

Амалий аҳамияти шундаки, диссертация Ўзбекистонда этнология фанининг замонавий ҳолати ва тараққиёти билан бевосита боғлиқ бўлган ҳолда, ўзбек халқ дostonларидаги хўжалик юритиш анъаналари ва оилавий-маиший маросимларга оид миллий урф-одат, анъана, расм-русм ва кадриятларини кенг тарғиб қилишда фойдаланилади.

Татбиқ этиш даражаси ва иқтисодий самарадорлиги: диссертациянинг асосий мазмуни республика илмий журналларида эълон қилинган 9 та илмий мақола ва 1 та мақола республика илмий конференция тўпламида ўз аксини топган.

Кўлланиш соҳаси: диссертация материаллари ва илмий хулосаларидан этнология фанининг этнофольклористика йўналиши бўйича фундаментал тадқиқотлар тайёрлашда ва Республикадаги олий ва ўрта махсус ўқув юртларининг «Этнология», «Этнофольклористика», «Маданиятшунослик» йўналишлари талабалари фаолиятида кенг фойдаланиш мумкин.

РЕЗЮМЕ

диссертации Норбутаева Парда Панжиевича на тему «Отражение в народных эпосах этнических особенностей узбеков Кашкадарьинского оазиса (на примере дастанов «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо»)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Ключевые слова: этнофольклористика, этнос, фольклор, эпос, бахши, школа сказителей, консолидация, ассимиляция, эндогамия, экзогамия, этнический компонент, кунграт, калмык, сговоры с колыбели, разрывание полы одежды, помолвка, связывание ног, гадание, зажжение светильника, тотемизм, шаманизм, наречение именем, чудесное рождение.

Объектом исследования является этнологическое изучение хозяйственных традиций и семейно-бытовой обрядности в дастанах «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо» в исполнении народных бахши Кашкадарьинского оазиса 40-х годов XX – начала XXI в.

Цель работы заключается в этнологическом изучении хозяйственных традиций и семейно-бытовой обрядности, описанных в дастанах «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо».

Методы исследования: историзм, объективизм, научный подход, критицизм, историко-сравнительный анализ и цивилизационный подход.

Полученные результаты и их новизна: в отечественной науке осуществлено комплексное специальное исследование этнографических сведений о хозяйственной деятельности и семейно-бытовых обрядах, которые нашли отражение в дастанах «Алпамыш» и «Ёзи и Зебо». В научный оборот введен большой объем фольклорного материала, данных личных архивов народных сказителей Кашкадарьинского оазиса 40-х годов XX – начала XXI в. и сведений об их творчестве.

Практическая значимость диссертации определяется ее непосредственной связью с современным состоянием и развитием этнологической науки в Узбекистане, а также в целях широкой пропаганды национальных ценностей, обычаев и обрядов, присущих традициям хозяйственной деятельности и семейно-бытовой обрядности, отраженных в узбекских народных дастанах.

Степень внедрения и экономическая эффективность: по теме диссертационной работы опубликованы 9 статей в республиканских научных журналах и 1 публикация в научном сборнике республиканской конференции.

Область применения: отдельные положения и выводы могут быть использованы при создании монографий этнофольклорического направления в аспекте этнологии, а также при проведении теоретических и практических занятий в рамках курсов «Этнология», «Этнофольклористика», «Культуроведение» и др. для студентов высших и среднее-специальных учебных заведений Республики.

RESUME

of the thesis of Norbutaev Parda Panzhievich on the scientific degree competition of the doctor of philosophy in History, specialty 07.00.07 – Ethnography, Ethnology and Anthropology on the subject «Reflection of ethnic specific features of Uzbeks in national eposes of the Kashkadarya oasis (on the example of dastans «Alpamysh» and «Yozi and Zebo»)»

Key words: ethno-folkloristics, ethnos, folklore, the epos, *bakhshi*, school of storytellers, consolidation, assimilation, endogamy, exogamy, an ethnic component, a Kungrat, a Kalmyk, child betrothal ‘from the cradle’, tearing the laps of clothes, engagement, tying up the legs, divination, ignition of the torch, totemism, shamanism, giving a name, a wonderful birth.

Subject of the inquiry is the science-based substantiation from ethnologic positions and reflection of economic traditions and family-life ritual ceremonialism in dastans of *bakhshi* in the Kashkadarya oasis since the 1940s - beginning of XXI centuries.

Aim of the inquiry: is in performing an ethnologic research regarding economic traditions and the family-life ritual ceremonialism described in dastans «Alpamysh» and «Yozi and Zebo».

Methods of inquiry: historyzm, objectivism, historical-comparative analysis, criticism, scientific and dialectical approach.

The results achieved and their novelty: this is the first complex special research in domestic science having investigated the ethnographic data on economic activities and family-life ritual ceremonies which found their reflection in dastans «Alpamysh» and «Yozi and Zebo». A large volume of archival material and information on creative work of national storytellers in the Kashkadarya oasis from the 1940s - the beginnings of the 21st century has been introduced into the academic circulation.

Practical value of the dissertation is defined by its direct connection with the contemporary condition and development of ethnological studies in Uzbekistan, which demand to expand the thematic problematics and to improve methodological approaches.

Degree of embodiment and economic efficiency: 9 articles in scientific journals and 1 in the collections of scientific conferences of the Republic.

Sphere of usage: particular dissertational materials and conclusions can be used in writing monographs, textbooks and educational books on ethno-folkloristic trends in terms of ethnology, as well as in conducting theoretical and practical lessons within the framework of such disciplines as «Ethnology», «Ethno-folkloristics», «Cultural Studies», etc. rendered for students of higher educational institutions and secondary-special educational establishments of the Republic.